

РЕЦЕНЗИИ

Русская грамматика.— М.: Наука, 1980. т. I — 784 с.; т. II—710 с.

Публикация полного описания грамматического строя национального литературного языка всегда является событием в лингвистической науке. Труды подобного рода имеют значение не только для носителей описываемого языка, но представляют также большой интерес с общелингвистической точки зрения, так как авторам, исследующим грамматическую систему данного языка, неизбежно приходится предварительно решать целый ряд методологических и методических проблем. Если даже многие из теоретических предпосылок описания языка существуют в научной лингвистической традиции, то все равно возникает вопрос выбора той или иной лингвистической концепции и необходимость ее последовательного проведения в процессе анализа конкретного языкового материала. Даже языки, служившие (как, например, русский язык) объектом многочисленных описаний, всегда имеют участки, недостаточно исследованные или изучавшиеся с позиций, столь различных по своим теоретическим предпосылкам, что практически результаты проводившихся работ частного порядка оказываются несводимыми. Поэтому сам «банк данных» (как иногда в современной лингвистике называют первоначально накапливаемый материал исходных фактов языка) неизбежно требует пополнения и дополнительной перепроверки.

Задача авторов рецензируемого труда осложнялась еще тем обстоятельством, что с самого начала была поставлена цель совместить в пределах одной работы научное описание грамматического строя русского языка с его оценкой и, следовательно, с рекомендациями по его нормативному использованию (Предисловие, с. 3). Именно вследствие этой второй задачи возникла необходимость тщательного отбора тех форм современного русского языка, которые могут считаться нормативными с точки зрения языкового узуса и их выделения среди многообразия форм и значений, которыми располагает каждый живой язык (с. 13).

Введение в текст изложения стилистических и других специальных характеристик для приводимых форм и конструкций помогает читателю ориентироваться среди разнообразных грамматико-структурных вариантов, имеющихся в русском языке, и выбирать из них тот, который принадлежит к литературно-нормативным. Неоспоримым достоинством «Русской грамматики» является разнообразие материала, на который опирались авторы

при формулировке выдвигаемых ими правил, и включение большого корпуса литературных произведений различной жанровой и стилиевой принадлежности. Кроме того, учтена живая разговорная речь, хотя, к сожалению, ни в Предисловии, ни во Введении не указаны методы ее фиксации и проверки: силошная магнитофонная запись спонтанной речи наблюдаемых или предварительная подготовка тематических опросов, отбор самих информантов и т. д.

Изложение начинается с описания звуковой стороны русского языка и формулирования закономерностей фонетики, фонологии, ударения и интонации. Включение звукового уровня языка в состав трудов, в которых подвергается рассмотрению грамматический строй того или иного языка, прочно вошло в лингвистическую традицию. Оправданием в данном случае служит не только желание сообщить читателю некоторый объем общих фонетических сведений (большинство из них он может найти в любом курсе «Введения в языкознание»), но, главным образом, то, что фонетические сведения подаются как непосредственно связанные с особенностями грамматических структур русского языка. Это относится не только к разделам, посвященным интонационным моделям (§§ 150—171), к которым мы еще вернемся, разбирая главы, касающиеся синтаксической проблематики, но и к характеристике фонетических явлений, соотносительных с грамматическими формами. Указывается, например, что «словоформы могут состоять из одного, двух и более звуков» (с. 15), устанавливается связь между словным строением и словоформой (с. 22). Подробно разработаны вопросы позиционных изменений звуков и сочетаний звуков, допускаемых фонетическими закономерностями русского языка (§§ 33—115). Большое число таблиц в главе, посвященной фонетике, и, особенно, в главе, посвященной фонологии, помогает усвоению системных отношений звуков речи. Единственное соображение, которое хотелось бы высказать по поводу разделов «Фонетика» и «Фонология», касается вопроса об их соотношении. Каждый из этих аспектов языка дан изолированно. Хотя на с. 69 указано, чем отличается фонема от звука речи (§ 117), нигде не охарактеризовано отношение фонологии к фонетике в целом. Было бы полезно в заключительных параграфах, посвященных фонологии (или, наоборот, до изложения раздела «Фонетика»), указать на взаимно-

отношения фонетики и фонологии как двух аспектов звуковой стороны языка.

Раздел, посвященный «Основным понятиям морфемки», содержит описание тех значимых частей слова, которые служат строительным материалом для процессов словообразования и создания системы словоформ. Основываясь на положении, что слово, являясь одной из основных единиц языка, манифестируется в словоформах, авторы определяют слово как нелинейную, обобщенную единицу. Это утверждение правильно в том смысле, что в потоке речи как значимый отрезок вычленивается только та или иная словоформа (§ 173), однако есть опасность (в связи с применением подобных определений) превращения слова из лексико-грамматической реальности языка в некую абстрактную модель, существующую в отвлечении от своих модификаций. Это впечатление несколько сглаживается при дальнейшем ознакомлении с разделами, трагующими проблемы морфологии, благодаря обилию удачно подобранных примеров и их детальному анализу. Особенно важно то, что авторы, где только это возможно, стараются внести в изложение формальных структур их семантическое обоснование. Например, указывая на ограничения в употреблении суффиксального морфа имен прилагательных *-н-* в его соединениях с морфом суффикса *-ис* [т] - (*ненаистинный*, но *пессимистичный*), авторы напоминают, что «употребление морфов обусловлено не формальной структурой соседнего морфа, а соседним морфом в целом как носителем определенного значения» (с. 126).

Для описания процессов словообразования отведено 320 с. Изложение материала проходит под знаком выяснения отношений между мотивирующим и мотивированным словом. Этот подход помогает выявить динамику словообразовательных процедур, чему также способствует использование понятия «словообразовательной цепочки», т. е. целостного ряда однокорневых слов, которые находятся друг к другу в отношениях последовательной мотивированности. Если началом подобной цепочки служит немотивированное слово (*старый*), то в качестве последнего ее звена выступает то слово, которое характеризуется наивысшей ступенью мотивированности (*старый* → *стареть* → *устареть* → *устарелый* → *устарелость*) (с. 133). Семантические параметры мотивации могут быть весьма разнообразными, и нам кажется, что авторы «Русской грамматики» правы, когда пишут, что «исчерпывающее рассмотрение всех слов, имеющих более чем одну мотивацию, — задача словообразовательного словаря языка» (с. 135). В противоположность этому задача грамматики сводится к характеристике словообразовательных типов со стороны их мотивации. Словообразовательный формант как носитель словообразовательного значения должен обладать свойством повторяемости, хотя сама степень регулярности (а также и продуктивности) для разных словообразовательных типов может быть весьма разнообразной. Как же сочетаются словообразовательные типы с другими формами

распределения лексического состава языка по различным грамматическим группировкам и рядам?

В описательных грамматиках разных языков, в том числе и во многих нормативных грамматиках русского языка, словообразовательные типы указываются в связи с классификацией по частям речи, с большей или меньшей детализацией в зависимости от существующих в языке лексико-грамматических разрядов. Подобная форма подачи материала (хотя быть может излишне традиционная) дает возможность продемонстрировать взаимосвязь словообразовательных и словоизменительных процедур. Авторы рецензируемой грамматики пошли по иному пути и расположили материал по частям речи в н у т р и раздела книги, посвященного словообразованию, давая формальные и семантические характеристики мотивирующих слов и указывая общее значение словообразовательного типа и значения подтипов. Положительной стороной подобного расположения исследуемого материала является воссоздание очень полной и целостной картины словообразования в русском языке, однако достигнутая таким путем системность описания не компенсирует целого ряда потерь.

Основной теоретический вопрос, который возникает в этой связи, можно было бы сформулировать следующим образом: связаны ли типологически словообразовательные процедуры и та или иная их специфика с дистрибутивными классами и подклассами, проявляющими себя грамматически в построениях коммуникативно значимых моделей. Грамматическая, в том числе и морфологическая, система языка не может считаться лишь сеткой, набросанной на словарный состав языка, так что какие-то группы лексем попадают в те или иные ячейки этой сетки. На смену бывшей в моде десятка два лет тому назад теории «уровневого» расслоения языка в мировой лингвистике все больше укрепляется убеждение о глубоких типологических связях между различными подразделениями единиц языка и, следовательно, взаимозависимостях различных классификационных группировок. Сами авторы «Русской грамматики» констатируют, что «грамматический строй (грамматика языка) представляет собой единство нескольких систем, каждая из которых объединяет в себе грамматические средства, близкие по характеру формальной организации и отвлеченных значений, по функциям в языке, а также по характеру отношений как друг к другу, так и к единицам других подсистем грамматики» (с. 8). Однако на деле это «единство нескольких систем» не показано, возможно, потому, что при подаче конкретного языкового материала внимание исследователей сосредоточено на формальной организации этого материала и на самих процедурах, используемых для этой организации. Этими критическими замечаниями мы никоим образом не хотим создать впечатление у читателей «Русской грамматики», что в ней отсутствует семантическая и функциональная трактовка материала языка. Но семантические характеристики даются по ходу

дела в «измельченном виде», и поэтому не представлена общая картина функционально-семантических основ грамматического строя языка.

Зато отдельные системы, отношения внутри этих систем и процедуры, в них используемые, освещены очень подробно. Следует выделить в этой связи раздел «Морфологические явления в словообразовании» (с. 413—452), обычно отсутствующий в описательных грамматиках, в котором в сжатой и ясной форме исследованы морфологические преобразования как основ мотивирующих слов, так и аффиксальных элементов словообразовательных рядов. Написанные с учетом последних достижений в этой сравнительно новой области языкознания, разделы книги, посвященные морфологии, являясь стимулом для проведения дальнейших исследований не только на материале русского, но и других языков. Выполнили авторы «Русской грамматики» обещанное ими выделение продуктивных и непродуктивных моделей и элементов словообразования. Очень тщательно анализируются семантические контуры производных (мотивированных) слов, принадлежащих к различным частям речи, связь с мотивирующими словами, степень продуктивности, а для глаголов — характер управления. Указывается место ударения, чередования гласных и согласных фонем, отмечаются нерегулярные чередования (например, нерегулярное чередование в глаголах *пустить* — *пускать*, *воскликнуть* — *восклицать* — с. 352).

Обильный материал и большая степень детализации при исследовании отдельных типов словообразования неизбежно создают опасность превращения грамматики в грамматический справочник, но авторы умело выходят из затруднения, давая обобщающие разделы. Например, в §§ 964—975 систематизированы все словообразовательные значения глаголов, а также и средства выражения этих значений. Таким образом, хотя значения передаваемые при употреблении того или иного словообразовательного глагольного аффикса, отмечались и при описании отдельных типов, новой в указанных параграфах является сама отправная точка описания — от характеристики обобщенного значения к типам, передающим это значение. Такие же разделы-обобщения даны и при описании словообразования других частей речи.

Распределение слов по частям речи всегда было и остается одним из самых трудных и спорных вопросов общей грамматики. Авторы «Русской грамматики» считают, что слова группируются в части речи на основании того обобщенного значения, которое отвлечено от лексических и грамматических значений всех слов данного класса и на основании характерной для каждого класса совокупности грамматических категорий (с. 453).

Соглашаясь с авторами в том, что «в центре морфологии стоят части речи и характеризующие их морфологические категории, существующие в определенных системах форм...» (с. 453), читатель вправе поставить вопрос: как связаны (или как обусловлены) эти грамматические

(морфологические) категории с тем обобщенным значением, которое присуще тому или иному классу слов, т. е. той или иной части речи. Такие обобщенные значения, как значение предмета и процессуального и непроцессуального признака, слишком абстрактны, чтобы оперировать ими как рабочими определениями. Они справедливы в целом, именно потому, что очень абстрактны, но вопрос в том, можно ли найти единое семантическое основание для объединения категориальных признаков той или иной части речи и ее грамматико-парадигматических модификаций. Видимо, недостаточно констатировать, что значение того или иного лексико-грамматического разряда допускает или не допускает оформление его членов определенной морфологической категорией, как, например, это наблюдается в случае ограничений в употреблении категории множественного числа в отношении существительных, лексическое значение которых препятствует оппозиции «единичность» — «множественность» (с. 472).

Семантическая характеристика лексико-грамматических разрядов внутри группировок по частям речи дана в «Русской грамматике» четко и выразительно — для всех знаменательных частей речи приведен большой и интересный материал. Думается, что можно принять общее определение лексико-грамматических разрядов слов, как таких подклассов той или иной части речи, которые «... обладают общим семантическим признаком, влияющим на способность слов выражать те или иные морфологические значения или вступать в противопоставления в пределах морфологических категорий» (с. 459). Примеры, иллюстрирующие это определение, даются в связи с описанием морфологических категорий, характерных для отдельных частей речи. Возможно, что анализ значений, присущих лексико-грамматическим подклассам, можно было бы подтвердить более наглядным образом, если бы авторы объединили эти два воплощения категориальных значений, т. е. значение отдельных лексико-грамматических разрядов и значения форм грамматических рядов, морфологически воплощающих грамматические значения падежа, числа, времени, наклонения и т. д. В этом случае было бы легче показать не только семантику, но и функциональную сторону форм лексико-грамматических разрядов.

Видимо, должны дифференцироваться грамматики теоретические, описательные, нормативно-предписывающие, а также грамматические труды общелингвистической направленности, однако богатство и многомерность материала грамматического строя русского языка неизбежно стимулируют грамматическую мысль и наталкивают на общетеоретические выводы. Хорошо известно, что русский язык обладает обширной и очень разветвленной парадигматикой. Представить ее в систематизированном и полном виде — задача очень сложная. Авторы «Русской грамматики» прекрасно справились с ней, и для словоизменительных классов — частей речи — по полноте материала и

его строгой систематизации рецензируемая грамматика не имеет себе равных. Особенно подробно дано изложение труднейшей части морфологии русского языка — морфологии глагола. Несмотря на значительное количество монографических исследований, посвященных отдельным видам глаголов и характерным для них категориям, многие вопросы остаются до конца не решенными, отчасти из-за двойственности самого исследуемого явления. К таким вопросам, например, относится категория залога.

Составители «Русской грамматики» справедливо относят залог к категориям смешанного типа (с. 456). Действительно, характер противопоставлений залоговых форм имеет своеобразную специфику, и осложненность парных противопоставлений не может быть целиком отнесена за счет «вмешательства» лексического уровня языка. Во многих случаях это осложнение приходится скорее отнести к области взаимодействия двух аспектов грамматического уровня языка — морфологии и синтаксиса. Поэтому для полноты характеристики залоговых значений приходится прибегать и к некоторым семантико-синтаксическим структурам (см. замечания о двучленных и трехчленных конструкциях в §§ 1465—1467). В разделах о способах глагольного действия (§§ 1413—1437) имеется некоторое повторение того материала, который был описан в связи с префиксальными и суффиксальными глаголами в разделах словообразования, однако это повторение оправдано тем, что в указанных параграфах к группам выделяемых глаголов авторы подходят уже с точки зрения передаваемых значений, а не со стороны морфемного строения глагольного слова. Полезен небольшой раздел (с. 641—646), посвященный взаимным связям морфологических категорий глагола. Хотелось бы, чтобы именно вопросы функционально-семантических возможностей различных грамматических группировок системы языка получили в «Русской грамматике» более полную трактовку, чем это мы находим в данной редакции книги.

Нельзя сказать, чтобы вопросы семантики были в книге забыты или обойдены: авторы «Русской грамматики» говорят о значении грамматических форм. В частности, очень полезно выделение центральных и периферийных значений, как, например, в случае разбора значений падежей, когда указано, что «...одни значения, наиболее весомые, главенствующие для данного падежа; являются центральными, основными, другие составляют семантическую периферию данного падежа» (с. 479). Последнее положение помогает понять, почему «отдельные значения у разных падежей могут сближаться или совпадать, но системы значений в целом, у разных падежей никогда не совпадают» (там же). Аналогичные соображения высказываются и при описании других морфологических категорий, воплощаемых в парадигматике знаменательных частей речи. Все же, обобщая впечатления, остающиеся после ознакомления с главами, посвященными морфологии, можно сказать, что авторы

«Русской грамматики» больше уделяли внимания грамматическим процедурам, чем функционально-семантической стороне результатов в этих процедурах.

Хорошо известно, что при описании грамматического строя любого языка исследователь стоит перед выбором: идти ли от «форм к значению» или от «значения (функции) к форме». В процессе речевой коммуникации эти две стороны языка слиты, хотя, разумеется, понимание содержания высказывания идет через опознание, восприятие языковой формы. В процессе научного анализа лингвист вправе выбирать то или иное направление, однако важно то, где и как расставить акценты, что выделить как самое главное и существенное в языке. Описание языковых форм и процедур их формирования дает возможность представить сложную, но упорядоченную систему, выдвигание на первый план функциональной значимости процессов, происходящих в языковой системе, может способствовать показу многообразных семантических связей отдельных категорий и отдельных участков структуры языка, выявить их глубинные основы.

Заканчивая рассмотрение первого тома «Русской грамматики», хочется остановиться еще на одном, может быть, частном вопросе. Указывая на комплексность частей речи, т. е. выделяя лексико-семантические разряды для знаменательных слов, и признавая как целое такую традиционно «пеструю» по составу категорию, как наречие, авторы «Русской грамматики» расчленяют класс местоимений и рассматривают самостоятельно только местоимение-существительное (с. 531—539). Разве нельзя было найти того, хотя бы и очень общего и обобщенного значения, которое объединяет все местоимения и местоименные слова? Их название, их дейктическое значение относится к тому, что можно назвать «производным» от их функций в языке, но не существу ведь все значимое для языка возникает благодаря функции элементов языка в процессе коммуникативной деятельности человека.

В «Русской грамматике» синтаксису посвящен второй том. Авторы указывают, что «...сфере синтаксиса специально принадлежат те языковые единицы, которые не непосредственно служат для общения людей и непосредственно соотносят сообщаемое с реальной действительностью...» (с. 5). По-видимому, такое понимание роли синтаксиса в языке обусловило внимание авторов к семантической стороне синтаксических моделей и к подробному анализу смысловых подчинительных связей в пределах словосочетания. Синтаксическими единицами считаются словосочетание, простое предложение и сложное предложение. Определяя словосочетание как синтаксическое объединение, состоящее из знаменательного и формы другого знаменательного слова, соединяемых на основе подчинительной связи, авторы анализируют словосочетания, исходя из лексико-грамматического характера подчиняющего слова. Такой подход следует

считать очень удачным потому, что он позволяет проследить дифференциацию общих и частных значений, отметить в отдельных случаях совместность приглагольных связей — сильных и слабых (с. 52—53), а главное — установить сходства и различия синтаксических потенций различных частей речи. В отличие от академической грамматики 1952 г. трактовке словосочетаний во втором томе «Русской грамматики» отведено сравнительно небольшое число страниц. Но все самое существенное, что характеризует этот раздел синтаксиса, дано так ярко и выразительно, что расширения этого раздела дополнительными примерами не требуется, тем более, что в известной мере положения и идеи, высказанные авторами в разделах о словосочетании, поддержаны материалом раздела «Синтаксис формы слова» (с. 422—460).

Центральное место в изложении синтаксиса занимает анализ простого предложения. В § 1890 формулируются те теоретические предпосылки, на которых основан дальнейший анализ синтаксических комплексов. Правильно отмечена сложность и взаимозависимость синтаксических единиц в реальности языковой коммуникации: «Минимальные единицы сообщения, которые вычлениваются из потока речи и могут быть рассмотрены как единицы синтаксические, в реальной языковой действительности существуют, таким образом, не изолированно друг от друга, а как части более сложного языкового комплекса, связанные внутри этого комплекса определенными отношениями друг с другом» (с. 83). В целях возможности лингвистического анализа и определения простого предложения вводится понятие структурной схемы предложения, с той оговоркой, что структурная схема предложения и построенные на ее основе предложения заключают в себе несколько иерархически организованных языковых значений (с. 85). Следовательно, понятие структурной схемы предложения, не обедняя семантического анализа, позволяет дать обобщенное определение простого предложения как высказывания, «...в основе построения которого лежит отвлеченный грамматический образец. . . , специально предназначенный языком для построения отдельной относительно самостоятельной единицы сообщения» (там же). В дальнейшем изложении все типы и виды такой относительно самостоятельной единицы сообщения подвергаются детальному се-

мантическому и структурному анализу. В одной рецензии невозможно дать разбор всех интересных положений и решений, предлагаемых авторами «Русской грамматики» в разделах, посвященных синтаксическому строению языка. Хотелось бы отметить, однако, два момента. Очень хорошо, что везде, где только это возможно, подробно освещается ипотоциальная сторона предложения, и, второе, что обращено достаточно внимания на порядок слов. Под влиянием распространенной идеи, согласно которой в языках флективного типа порядок слов, якобы, не столь уж важен, в описательных грамматиках русского языка перестали интересоваться этой важнейшей частью построения речевых образований. Отрадно видеть, что авторы «Русской грамматики» выделяют коммуникативную и структурно-семантическую роль порядка слов в языке.

Описание сложного предложения дано в книге с достаточной степенью полноты. Естественно, что синтаксические построения подобного рода тянут за собой отрезки речи большего объема, поэтому вопросы синтаксической организации текста (или некоторых отрезков текста), а также проблемы количественного порядка (объем предложения) были бы нелишними в части «Синтаксис», тем более, что в современной лингвистике уделяется много внимания вышеуказанным сторонам языковых образований.

Что же можно сказать в целом о «Русской грамматике»? В этом монументальном труде представлено полное и очень тщательное изложение богатства строевых и семантических возможностей русского языка. Обилие примеров и их анализ создают надежную основу для новых и интересных положений, высказанных ее авторами. Трудно было бы ожидать, чтобы все в подобном труде было «новаторским». Наоборот, использование богатого наследия русской лингвистической традиции и отдельных положений современной зарубежной лингвистики в сочетании с творческими идеями авторского коллектива служат залогом успеха «Русской грамматики» 1980 г. Критические замечания в нашей рецензии имеют дискуссионный характер. Каждый лингвист должен понимать всю трудность задачи, поставленной перед авторами «Русской грамматики», и все лингвисты должны быть им благодарны, что эту трудность они сумели преодолеть.

Ярцева В. И.

Михайловская Н. Г. Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI—XIV вв. (Нормативный аспект). — М.: Наука, 1980. 254 с.

Русская историческая лексикология отнюдь не бедна исследованиями, посвященными различным аспектам состава и функционирования лексики русского языка от древнейших времен до хронологических границ современности. Однако по мере того как развивается эта от-

расль языкознания, по мере того как предлагаются ответы и решения, возникают новые вопросы, вырисовываются новые проблемы. С особой очевидностью стали обнаруживаться эти новые вопросы и проблемы в связи с обострившимся интересом к генетическому и функциональ-